

- Михаил Владимирович, в интервью «РВ» (№ 10 от 15 января с.г.) ваш старший брат, писатель Сергей Владимирович Михалков, сказал, что самый неприятный момент в его жизни был тогда, когда он узнал: вы осуждены на 5 лет за измену Родине. После этого ему пришлось пойти к Берии - спустя некоторое время вы были реабилитированы...

- Думаю, что Сергею было действительно крайне неприятно обращаться по моему делу лично к Берии. Конечно, он рисковал, хотя и имел своеобразную «охранную грамоту»: как автор Гимна Советского Союза, который редактировал сам Сталин.

Тогда, в период гулаговского разгула, при тоталитарном жестоком сталинском режиме, никто не был гарантирован от того, что его не посадят или не расстреляют. Будь ты маршал или член ЦК, НКВД - государство в государстве, оно подчинялось фактически только Сталину, даже не Политбюро ЦК. Любому, кто обращался к Берии из высших эшелонов власти, тот отвечал: «А что думает Сталин по этому вопросу? Спросите у него лично». А кто мог лично спросить у Сталина? Единично. В то время в лагерях отбывали срок жены Калинина и Молотова - члены Политбюро. Так что уж говорить о простых людях! Мне в «Лефортове» следователь говорил: «Не подпишешь этот документ - сдохнешь здесь, как собака!» Что он мне «клеил»? «Всего-навсего»: что когда я находился в фашистской разведшколе в Познани, то меня немцы готовили к заброске в наш тыл как диверсанта. А я каждый раз отвечал одно и то же: «Подписывать этот документ не буду, в этой школе находился не в левом корпусе, где действительно готовились диверсанты, а в правом - для переводчиков гражданских служб».

После обращения брата Берия, возможно, подумал, что тот может навестить Сталина, и «учитель» спросит: «А за что там у тебя

Рос. Вестн. - 1994 - 28 мая - 45

Михаил МИХАЛКОВ: «Я воевал против фашизма в дивизии СС»

У Михаила Владимировича Михалкова, родного брата знаменитого автора «Дяди Степы» и Гимна Советского Союза, немало псевдонимов. Андронов - литературный. А еще есть десяток имен как у разведчика: Николай Соколов, Цвейс, Швальбе, Сыч, Шарко, Виценхаммер... Такое многообразие рождено сложной и поистине «сюжетной» судьбой.

Михаил Михалков родился 28 декабря 1922 года в Москве. Закончив спецшколу НКВД, служил переводчиком в

сидит брат Михалкова? А на меня никакого компромата нет вовсе. Словом, вскоре я был на свободе...

- Вскоре - это после обращения, а до этого...

- До этого более четырех лет просидел я в «Лефортове», в одиночной камере, работая «по совместительству» переводчиком у Берии и Абакумова на Лубянке.

Возвращение к своим оказалось трудным. В феврале 45-го, перейдя через линию фронта, я попал в СМЕРШ 8-й гвардейской армии к генералу Виткову. Прибыл из познанской фашистской спецшколы с ценными оперативными сведениями. Вжился в образ, да еще шок - состояние было таким, что... не мог говорить по-русски. Только через две недели, когда психика реабилитировалась, смог общаться с нашими без переводчика.

На госпроверку меня увезли в Москву, в одном самолете с генералами Шкуро и Красновым. Как уже сказано, закончилось все через несколько лет - я был награжден двумя орденами и семью медалями.

- Михаил Владимирович, предвидится переиздание вашей книги «В лабиринтах смертельного риска» (первое издание в коротких сроках нашло своего читателя). Когда была задумана и написана эта, как я понимаю, биографическая повесть?

- Над книгой я начал работать после смерти Сталина. Повесть прошла множество проверок в КГБ. Пришлось печатать ее по частям в периодике - на этом этапе также производились многочисленные проверки и уточнения. Был вынужден обращаться с письмом к Андропову - в конце концов получил официальный документ от начальника пресс-бюро КГБ, разрешающий публикацию книги полностью. Главлит даже дал «добро» на вывод рукописи за границу. Это произошло в 89-м году. Хотел бы подчеркнуть, что записки документальны - реальны как события, так и все действующие лица.

- А почему главного героя зовут Николаем Соколовым?

- Под этим - моим первым псевдонимом - меня звали в лагере советских военнопленных в городе Александрия Кировоградской области. Судьба Николая Соколова - моя судьба. Литературный герой, как и я в действительности, выбирается из-под трупов расстрелянных в Кировограде евреев; в форме немецкого офицера изымает ценности у румынской генеральши в городе Яссы; заключает помолвку в Женеве с дочерью швейцарского миллионера; будучи капитаном танковой дивизии СС, читает немцам «Майн кампф»... Все это было...

- Вы стали разведчиком, что называется, по личной инициативе. Как это случилось?

- Два раза бежав из фашистского лагеря и два раза избежав расстрела, в тылу противника я оказался один на один с вопросом: как действовать дальше? Точнее говоря, как бороться с врагом? Тогда-то и пришло решение внедриться в команду, обслуживающую немецкий госпиталь. Придумал себе кличку Сыч.

- В чем заключалась ваша разведдеятельность и как в итоге о ней узнал Центр?

- Вначале о том, как я вообще сумел справиться со своими непростыми «ролями». В детстве у нас была бонна немка, благодаря которой я получил неплохие основы знания языка. Интенсивно обучался немецкому в спецшколе НКВД...

Хорошую «стажировку» я прошел в плену в госпитале в Днепродзержинске, куда перебазировался немецкий госпиталь из г. Александрии, где старый и ленивый санитар Пауль позволял мне заходить в палаты высшего командного состава вермахта и войск СС. Я познал там многое: субординацию, диалекты и жаргон, воинский устав, немецкие анекдоты и карточные игры. Слушал разговоры о Германии, о том, что - в понимании немцев - происходит на фронтах.

- Все так, но впоследствии вы выдали

контрразведке при штабе 79-го погранотряда на дунайской границе. В войну был агентом-нелегалом в восьми странах Европы. Репрессирован и реабилитирован. А потом началось творчество. Как поэт-песенник он сотрудничал с Мурадели, Покрассом, Туликовым... Автор слов многих сют, ораторий, кантат, нескольких книг поэзии и прозы. С вопроса о перипетиях жизненного пути разведчика и писателя и начался наш разговор...

себя за капитана танковой дивизии СС?

- Разумеется, «госпитальных» знаний было недостаточно. После побега из госпиталя в форме немецкого солдата, где я был одним из руководителей группового побега заключенных (список бежавших я передал партийному подполью города), форсировав в феврале 1943 г. Днепр, я шел на север, к фронту. Как и ожидал, оказался в занятой противником

деревне. Командир танковой роты капитан Берш, поверив, что я фольксдойч с Кавказа, оставил меня переводчиком при обзоре. Здесь я «стажировался» полтора года. В результате подготовился так, что в 1945-м в городе Лисса мне удалось сыграть роль капитана - командира танковой роты СС. В госпитале в Салдусе, куда я попал раненым после побега из тайной полевой жандармерии в Латвии,

назвался Мюллером, родившимся в 1919 году в Дюссельдорфе (я знал из газет, что этот город был полностью уничтожен американскими «летающими крепостями» - навести какие-либо справки обо мне невозможно). В мундире немецкого офицера эвакуировался из Либавы в Кенигсберг на теплоходе «Герман Геринг». Далее - госпиталь города Польцин, где после излечения мне выдали «чистые» документы: спецпропуск СС, отпуск на два месяца, деньги, продовольственные карточки и предписание явиться в определенный срок в г. Лисса для реформирования высшего состава танковой дивизии СС, куда я и прибыл и принял роту.

О моей разведдеятельности... В течение полтора лет пребывания в роте Берша я организовывал партизанские группировки, снабжал их оружием, вел пропаганду среди населения, спасал людей от отгона на фашистскую каторгу. А в Лиссе собирал сведения о вооружении противника, его моральном духе, о немецких оборонительных линиях. Все это я передал своим, перейдя линию фронта.

При освобождении советской территории от оккупантов создавались проверочные лагеря, чтобы узнать, кто и как жил под властью врага. Люди, с которыми я соприкасался, сообщали органам, что человек в немецкой форме спас их от фашистов, раздавал листовки, оружие. Кличка его была Сыч. Так мой псевдоним стал известен особым отделам частей Красной Армии и генералу Виткову из СМЕРШа. Что, однако, как уже было сказано, не застраховало меня от одиночки в «Лефортове» - такие были времена.

- Кстати, о временах. Как вы, человек старой закалки, защищавший на фронте СССР, отнеслись к его развалу, к реформам вообще?

- Сложный вопрос. Каждый человек, в том числе и пожилой на веку, ответит на него по-своему: историк - так, чекист - по-другому, репрессированный - совсем иначе.

Строй, который долгие годы был в нашей стране, именовался социалистическим, но о гуманности его, думаю, даже не стоит и говорить. Что было обречено, то погибло. Другое дело, это происходит крайне нецивилизованно. В той же Прибалтике россияне пятьдесят лет строили заводы, электростанции. Прибалтика «ушла» - сотни предприятий разладились и у нас, и у них. Кто виноват? Народ? Нет, господа-политики, для которых народные чаяния - пустой звук. В ресторанах Москвы вижу, как некоторые люди бросают на сцену по 200 долларов за исполнение «цыганочки». Откуда эти деньги? Из нашего с вами кармана, выловлены из «мутной воды» нынешней экономической ситуации.

И все же я верю: положение со временем нормализуется. Принята новая Конституция, состоялись выборы депутатов. Верится, страна на пути к национальному согласию. А главное, сила русского народа воистину неисчерпаема. Помните, что сказал русский старик-крестьянин, на чей возок налетела тройка приехавшего в гости к Александру II Бисмарка? Он упал с высокого стога сена и сильно повредил руку. Морщится от боли, но не жалуется. «Ничего, барин», - говорит царю, которого не узнал, - до свадьбы заживет. Ничего! Это так запомнилось Бисмарку, что, вернувшись домой, он велел выгравировать слово «ничего» на русском языке на своем золотом кольце и жезле, а, беседуя с возможными преемниками, часто говорил: «Предостерегаю вас воевать с нацией, которая говорит слово «ничего». Он подразумевал великую самоотверженность и долготерпеливость россиян...

- А когда вы, Михаил Владимирович, решили стать писателем?

- После войны я серьезно заболел - скажешь физическое и нервное перенапряжение времени, проведенного в фашистском плену, бериевских застенках. В больнице попробовал записывать свои хождения плюс сочинять стихи. Пробы пера показал брату Сергею, на что тот сказал: «Пишешь пока слабо, но писать не буду, иначе ничему не научишься. Печататься начинай на периферии - лучше быть первым парнем на деревне, чем последним в городе».

Я жил в Пятигорске, Тамбове, Рязани, Ставрополе. Там и начали выходить мои первые стихи.

- Откуда взялся псевдоним - Андронов?

- Тоже благодаря Сергею. Его старшего сына, Андрея, в семье мы называли Андронимом. Как-то раз Сергей шутиливо спросил: «Отчего ты подписываешься - «Луговых»? Вас что, много?» И предложил: «Возьми лучше псевдоним «Андронов». Будешь тогда впереди Ираклия Андроникова!» Ну я и внял совету...

Беседу вел
Александр ГУБАНОВ.

На снимках: Михаил Владимирович в мае 1941 года и в наши дни.